

КОРОНА И КЛЮЧ

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

Альберт Лашёв
Корона И Ключ

«Автор»

2026

Лашёв А.

Корона И Ключ / А. Лашёв — «Автор», 2026

Ни один король в истории не объявил себя королём сам — и не удержался на этом одном. За каждым восхождением стоит обряд. За обрядом — тот, кто его совершает. Рука, которая возводит на престол, та же рука, что сводит с него. Книга начинается с открытого списка. Короли Англии от Нормандского завоевания до наших дней: сорок правлений, девять веков, тринадцать имён. Свободный личный выбор так себя не ведёт. Замкнутый набор, повторяемый из века в век, говорит об одном: выбора нет. Работает система. После 1066 года поле имён «благородный по крови» — Æthel- — не взято ни разу. Ни одним королём. За тысячу лет. Целый пласт саксонской легитимности вычеркнут в один год и не вернулся. Два имени взяты по одному разу — и больше никогда: каждое пришлось на катастрофу, и система на нём обожглась. Расследование идёт по трём сменам инстанции признания: кровь и обряд, сан и санкция, институт и конституция. Каждый раз смена выглядела естественным ходом вещей. Каждый раз это была смена хозяина.

© Лашёв А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Альберт Лашёв

Корона И Ключ

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

КОРОНА И КЛЮЧ

Кто признаёт короля, и кто признаёт того, кто признаёт

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГИПОТЕЗА, КОТОРУЮ МЫ ИСПЫТЫВАЕМ

Правило игры: мы проверяем не веру, а её отрицание

Эта книга устроена как следствие, а не как проповедь. И потому начинается она не с того, что мы хотим доказать, а с того, что мы будем *испытывать*. Разница принципиальна. Проповедь берёт желаемое и подбирает к нему доводы. Следствие берёт утверждение — и честно пытается его подтвердить, готовое принять любой исход. Чтобы держать себя в этих рамках, мы с первой страницы кладём на стол не свой тезис, а *противоположный* ему.

Нулевая гипотеза

В строгой работе её называют нулевой гипотезой — H_0 : это утверждение, которое исследователь старается *опровергнуть*, и пока оно не опровергнуто, оно считается верным. Мы берём такое:

H_0 : король самодостаточен. Власть восходит к истинному королевству сама, изнутри носителя. Внешняя инстанция, которая «признаёт» короля, не нужна — она украшение, а не источник; убери её, и король останется королём.

Это и есть привычная, «здравая» картина: на троне сидит тот, кто сильнее, умнее, родо-внее, — и сидит по праву, которое в нём самом. Корона ниоткуда не выдаётся; она просто *есть* у того, кто её носит. Если эта картина верна, наша книга обрушится. И мы принимаем её сторону — всерьёз, не для виду.

Что значит принять её всерьёз

Принять H_0 всерьёз — значит всю книгу искать ей подтверждение, а не опровержение. Поэтому мы не будем подбирать удобные случаи. Мы пройдем по самым сильным кандидатам на самодостаточность, каких знает история: по завоевателю, взявшему трон мечом; по основателю, за которым пошли по одной его харизме; по королю древней крови; по императору, объявившему себя богом; по государю, восставшему против всякой внешней инстанции и ставшему сам себе церковью. Если хоть один из них окажется *чисто* самодостаточным — законным только из себя, без всякого внешнего признания, и устойчиво, — H_0 подтверждена, и спор окончен в её пользу.

Чем H_0 можно подтвердить

И сразу, по правилам честной игры, назовём условие её победы — то, что опровергло бы уже *нашу* книгу. H_0 подтвердится, если найдётся правитель, чья законность держалась *устойчиво* и *ни на чём внешнем*: ни на знаке (камень, оракул, знамение), ни на обряде (помазание, венчание), ни на признании свыше, ни на новом учреждённом институте, ни на апелляции к высшему. Просто — сам из себя, и держится. Один такой прочный случай — и тезис книги опровергнут.

Мы искали его честно. Чем кончился поиск — в конце книги, в разделе «Вердикт», когда читатель уже пройдёт все улики и сможет судить сам. А пока — лишь уговор: дальше идёт не доказательство любимой мысли, а испытание её противоположности. Если к последней странице H_0 устоит — правы окажетесь вы, а не мы. Посмотрим.

ВВЕДЕНИЕ

Кто признаёт короля

Есть образ, который мы носим в себе с детства, не задумываясь, откуда он взялся. Король. Человек, чьё слово — закон. Он милует и казнит, поднимает войска и чеканит монету, и над ним нет никого — только небо. Его называют помазанником, господином, отцом народа. Кажется, что свободнее человека не рождалось: он один не связан ничьей волей, ибо его воля и есть последнее слово в стране.

Этот образ так привычен, что мы принимаем его за данность. Самодержец, самовластец — само слово говорит за себя: власть от себя, держава в собственной руке. Король стоит над законом, потому что он сам — источник закона. Так нас учили; так пишут его портреты в полный рост — одинокая фигура на вершине, ни от кого не зависящая.

Но стоит присмотреться к тому, *как* человек становится королём, и картина даёт трещину.

Ни один король в истории не объявил себя королём сам — и не удержался на престоле на одном этом. За каждым восхождением стоит обряд, а за обрядом — тот, кто его совершает. Корону подаёт архиепископ. Помазывает священник. Признаёт собрание, церковь, сословие. Король приходит к трону с правом — но право это ему *кем-то* дано, и тот, кто дал, волен его и отнять. Отлучение, низложение, анафема — оборотная сторона помазания: рука, что возвела на престол, та же рука и сводит с него.

Назовём вещь её именем. Над королём всегда стоит *инстанция* — тот, кто признаёт его законным. Не советник, не армия, не казна, а та сила, чьё слово превращает претендента в государя. Король не признаёт себя сам; его признают. И здесь, а не под короной, прячется настоящая власть: кто признаёт — тот и держит.

У этой инстанции есть свойство, которое стоит запомнить с первой страницы. Она признаёт — но не ручается. Она даёт право взойти сегодня и ничем не обеспечивает право устоять завтра: не страхует ни династию, ни корону, ни жизнь. Она руководит без гарантий. Признание можно дать — и можно отозвать; на этом разрыве между «возвести» и «низложить» держится вся скрытая механика, которую разбирает эта книга.

Скрытая история власти — это история того, как менялась инстанция признания. Она не была одной и той же. Сперва короля признавала *кровь*, подтверждённая *обрядом*: ты король, потому что рождён от королей, а священный камень, елей, древнее таинство удостоверяют твою породу. Затем кровь отеснил *сан*: ты король, потому что тебя помазал тот, у кого есть *санкция* свыше, — и уже не порода, а печать церкви делает государя. А там и сан уступил *институту*: ты глава государства, потому что так говорят парламент, конституция, закон, — и место помазания заняла процедура.

Кровь и обряд → сан и санкция → институт и конституция. Это и есть подмена — тихая, растянутая на века, почти незаметная изнутри каждой отдельной эпохи. Менялся не король — менялся тот, кто над ним; менялась инстанция, выдающая право. И всякий раз смена выглядела естественным ходом вещей, хотя была сменой хозяина.

Дольше всех — около тысячи лет — этой инстанцией в Европе была Церковь, престол святого Петра. Не потому, что за ней стоял единый кукловод, дёргающий королей за нити: такого мы не утверждаем и в книге покажем, почему это было бы неправдой. А потому, что она держала монополию на признание: без её помазания корона была не короной, а лишь при-
тяжением. Церковь была не дирижёром, а монопольным *поставщиком* права взойти — и в этом её настоящая, подтверждаемая документами роль.

И чтобы сразу отвести подозрение, будто перед нами книга против одной религии: закон, который мы разбираем, к религии не сводится. Когда в 1917 году Ленин брал власть, отрицавшую всякую церковь и всякую кровь, он всё равно не сказал «я так решил» — он сослался на

класс, на историю, на волю партии. Ему тоже понадобилась инстанция, только светская. Значит, дело не в Ватикане и не в вере, а в самой природе власти: она не умеет признать себя сама. Инстанцию можно сменить — кровь на сан, сан на институт, институт на класс. Упразднить нельзя: без неё трон не рождается.

Но как увидеть инстанцию, которая прячется? Власть, скрывающая своего держателя, всё же оставляет следы — и самый внятный из них лежит на виду, в том, на что никто не смотрит дважды. В имени короля.

Имя и есть ключ.

О том, что короли берут имена не случайно, писали и раньше — но всегда *поштучно*: этот назван в честь отца, тот сменил имя ради образа, третий избегал неудачного имени. Историки разбирают каждый случай по личным мотивам монарха.

Антропологи у других народов заметили большее: в Бенине тронное имя становилось фамилией всего рода, привязывая потомков к эпохе правителя; у йоруба имя брали в честь духа-воина ради доблести. То есть имя правителя где-то прямо привязывали к его функции и времени — но это видели в Африке, не в европейской короне.

Чего не сделал *никто*: не прочитал имена европейских королей как *единую* систему — где тип момента диктует имя, имя следует крови, неудачные имена изымаются из обихода, а порядковый номер считается от завоевания как от точки легитимности. В науке имена короны разобраны вразброс, «по разным причинам» — то есть как будто случай. Наша задача обратная: показать за этой пестротой код.

Имя — лишь первый ключ, самый наглядный. За ним пойдут другие: камень, который, по преданию, узнавал истинного короля; священный елей, который держала церковь; чистота крови, заверенная канцелярией; деньги, без которых корона не воюет. Каждый — след одной и той же руки, признающей государя или отвергающей его. Сложенные вместе, они складываются не в разрозненные курьёзы истории, а в единый механизм — и в его подмену.

Теперь — о том, как мы поведём разговор, потому что выводы здесь будут смелые, и тем строже обязан быть метод.

Мы не выносим приговор за читателя. Мы кладём перед ним улики и отделяем доказанное от вероятного. Где есть документ — акт, хроника, устав, судебное решение — мы говорим «доказано» и помечаем: [документ]. Где вывод логически следует из документов, но сам документом не является, — «реконструкция». Где это лишь догадка, требующая проверки, — «наблюдение», и за факт мы его не выдаём. Слабое в своих построениях мы называем слабым сами, раньше любого критика: так книгу нельзя разбить — всё хрупкое в ней уже помечено хрупким нашей же рукой.

И ещё одно — о честности перед теми, кто думал до нас.

Честно о том, на чьих плечах стоим: слой «одно имя — три аудитории» опирается на работы о многозначности символа (В. Тёрнер); наблюдение, что имя привязывает к функции, — на антропологов незападных монархий. Но сам код целиком — связь имени с кровью, обожжённое имя, счёт номера от точки начала — в литературе отсутствует и собран здесь впервые. Предшественников называем открыто; что наше — очерчиваем точно. Тогда работу не упрекнуть ни в незнании сделанного, ни в присвоении чужого.

Последнее, о чём предупредим сразу. Эта книга показывает инстанцию и её подмену — но не называет поимённо того, кто, быть может, стоит над самой инстанцией. Там, где кончаются доказательства, мы останавливаемся и передаём слово читателю: улики сложены плотно, датами и суммами, и право написать имя на полях остаётся за ним, не за нами. Это не робость. Это единственный честный — и потому неуязвимый — способ вести расследование.

А начнём с того самого ключа, что лежит на виду. С имени. С закрытого алфавита короны — короткого списка имён, который почти не менялся тысячу лет и однажды, в один год, на одном завоевании, сменился весь и сразу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХРЕБЕТ

Закрытый алфавит короны

Введение обещало ключ, лежащий на виду, — закрытый алфавит короны. С него и начнём.

Список, в котором нечего оспорить

Начнём с того, что не требует ни единой догадки. С открытого списка.

Возьмите перечень королей Англии от Нормандского завоевания 1066 года до наших дней и выпишите их тронные имена — не прозвища, не фамилии, а имена, под которыми они правили. Сложите по частоте. Получится короткая таблица.

Около сорока правлений — и всего тринадцать имён на девять с лишним столетий. Остановитесь на этой цифре, прежде чем читать дальше.

Свободный личный выбор так себя не ведёт. Свободный выбор рождает разнообразие — откройте любой список человеческих имён любой эпохи и страны, и вы это увидите. Замкнутый набор, повторяемый из века в век, рождает только одно подозрение: что выбор не свободен и что за пестротой лиц работает система.

И первое доказательство, что система есть, — это даже не повторы. Это граница, на которой набор замкнулся.

Саксонский код: другой алфавит

До 1066 года у английской короны был свой набор имён — и устроен он был совсем иначе.

Саксонские короли носили имена, собранные из двух смысловых полей-приставок. Первое — *Ead-*, «богатство, благо, достояние»: Эадвард, Эадмунд, Эадгар, Эадред, Эадвиг. Второе — *Æthel-*, «благородный по рождению, знатный кровью»: Этельвульф, Этельстан, Этельред.¹ Это не случайный подбор. Это два разных вопроса, заданных королю. *Ead-* говорит, что король *делает*: хранит и приумножает достояние. *Æthel-* говорит, кто король *есть*: благороден самой кровью.

Два поля. Два критерия легитимности — по делу и по крови. И оба обрываются в один год.

Перелом 1066 года

1066-й — не просто смена правителя. Это слом самой машины преемства, и обе стороны слома задокументированы.

Эдуард Исповедник умер бездетным в январе²; на престол разом заявили четверо — Гарольд Годвинсон, успевший короноваться; Вильгельм Нормандский; норвежец Харальд Суровый; и Эдгар Этелинг, последний носитель саксонской крови. За один год Англия пережила три большие битвы и сменила трон силой. Древний механизм, которым саксы избирали короля, — совет знати, уитенагемот³, — был сломан и больше не собрался. О ходе событий согласно говорят и Англосаксонская хроника, и нормандские хронисты — Гильом Жюмьежский и Гильом Пуатевинский.

¹ В 1390 году Иоанн Стюарт, наследовав шотландский престол, отказался царствовать как «Иоанн II»: имя было связано с несчастливыми правлениями и в Шотландии, и в Англии — и он принял имя Роберт III (шотландские хроники; стандартные истории шотландской монархии).

² О том, как обряд узаконивает решение, скрывая его авторство: В. Тёрнер о многозначности ритуального символа (V. Turner, *The Ritual Process*); П. Бурдьё об «обрядках институции» (P. Bourdieu, *Les rites d'institution*).

³ *MacCormick v Lord Advocate*, 1953 SC 396. Истцы — Джон Маккормик и Иан Гамильтон; повод — вензель «EIR» на шотландских почтовых тумбах. В решении лорд-президент Купер высказался о пределах парламентского суверенитета.

Завоеватель не продолжил саксонский код. Он стёр его и залил свой. Из всего саксонского словаря имён выжило ровно одно — Эдуард, и выжило не случайно: это имя-склейка, через святого Эдуарда Исповедника связавшее новую династию с прежней. Всё остальное исчезло.

Негативное пространство: то, чего в списке нет

Здесь — самое сильное, что есть в этой главе. Для него не нужно никакой теории функций; достаточно посмотреть, чего в списке *нет*.

Поле *Aethel-* — «благородство по крови» — после 1066 года не взято ни разу. Ни одним королём. За тысячу лет. Целый смысловой пласт, на котором саксы строили легитимность по самому происхождению, вычеркнут начисто. Кровь как заявленное основание имени ушла из обихода вместе с проигравшей династией — и не вернулась.

И два имени, взятые после завоевания по одному разу — и больше никогда. Иоанн. Стефан. Их роднит одно: каждое пришлось на катастрофу, и каждое после неё стало запретным. На таком имени система словно обжигается — и убирает его из набора. У пап есть точный двойник этого молчания: за семнадцать веков ни один из двухсот шестидесяти семи не назвался Петром.

Запомним статус сказанного. Всё в этом разделе — *документ*: открытый список монархов и календарь. Ни одной догадки тут ещё не сделано — и уже видно, что набор замкнут, а граница проходит ровно по завоеванию.

Критерий перелома: ограничитель, заданный заранее

Прежде чем идти дальше, поставим себе ограничитель — честный и объявленный *до* того, как мы посмотрим на имена.

Если мы хотим связать имя с «типом момента», нас тут же подстерегает ловушка: история — это сплошной кризис. Война, мор, мятеж, нехватка денег — фон любого царствования. Под «кризис вообще» можно подвести что угодно, и тогда совпадение не стоит ничего. Поэтому мы заранее определяем, что считаем настоящим переломом.

Перелом — это не беда и не война сами по себе. Это момент, когда меняется само основание законности: завоевание извне; переустановка династии, когда на трон садится другая кровь; разрыв с прежним сувереном или с тем, кто признаёт короля; конституционный слом. Не «королю было трудно», а «изменился ответ на вопрос, почему он вообще король». Всё, что не дотягивает до этого, — фон, и мы его не засчитываем.

Этот критерий мы держим жёстко. Он и отличает проверяемое наблюдение от подгонки — и без него дальше идти нельзя.

Переворот метода: от функции к имени

Теперь — поправка, без которой вся глава рассыпалась бы.

Соблазнительно идти от имени к смыслу: взять имя, раскопать этимологию и объявить, что в ней зашита функция. Это слабый ход. Этимологию можно подогнать под что угодно задним числом, и серьёзный читатель вправе отмахнуться. Мы пойдём в обратную сторону — так же, как читается код папских имён в нашей предыдущей книге.

Сначала — тип момента, заданный по нашему критерию перелома. Потом — какое имя машина под этот момент выдала. Имя здесь не словарное значение, а *слот*, функция в работе короны. Вопрос не «что значит Вильгельм», а «какое имя возникает, когда страну берут извне».

Скажем сразу и честно, потому что на этом стоит вся книга: связка «имя ↔ функция» — пока *гипотеза*, а не доказанное. Мы её выдвигаем, проверяем на линии — и добиваем в следующих главах: предсказанием имени будущего короля во второй главе и строгой нулевой гипотезой в восьмой. Здесь мы её закладываем, а не торжествуем.

Прогон: тип момента — имя

Возьмём ключевые переломы по нашему критерию и посмотрим, какое имя выпало под каждый. Это проверка профиля, а не иллюстрация: если связи нет, таблица это покажет.

Сильнейшие попадания видны сразу. Завоевание и приход извне тянут одно и то же имя — Вильгельм: 1066-й и, спустя шесть веков, 1688-й. Строительство государственного аппарата тянет Генриха — и тянет его четырежды: Генрих I с казной и судом, Генрих II с общим правом, Генрих VII с машиной Тюдоров, Генрих VIII с разрывом и перестройкой Церкви. А катастрофа достаётся обожжённым — Иоанну и Стефану. Это не значение слова. Это функция момента, притягивающая имя.

Двухфакторная модель и закон носящей линии

Но в прогоне есть промахи — и они оказываются интереснее попаданий. Чтобы их понять, введём вторую силу.

Имя выбирается по двум конкурирующим правилам: функция момента и носящая кровь-линия. При конфликте побеждает сильнейшее — и это правило можно проверить на изломе.

Излом первый — Вильгельм III, 1689. Кровь чужая (голландец), а имя старое, английское. Здесь функция «завоеватель-извне» перебила кровь: имя пошло по функции, а не по происхождению носителя. Правило фальсифицируемо — и устояло.

Излом второй — сами промахи: Стефан, Иаков I в 1603-м, Георг I в 1714-м. Каждый раз на трон садилась *чужая линия* и приносила свой код. Стефан из дома Блуа; Иаков из Шотландии; Георг из Ганновера. И ровно в этих точках набор имён видимо рвётся. 1066, 1603, 1714 — три переустановки кода, три смены крови на престоле. «Промах» здесь — не провал теории, а теория, поймавшая тот самый момент, когда сменилась династия.

Это прямой двойник того, что в коде папских имён мы назвали *угоном*: внешняя сила перехватывает программу имени. Корона показывает то же. Когда имя выбирает своя кровь — оно берётся из её кода под функцию момента; когда садится чужая — она приносит свой код, и шов виден невооружённым глазом.

Статус этой связки — *реконструкция*, и сильная: она проверяется независимо на двух странах. Во Франции три разных дома — Капетинги, Валуа, Бурбоны — несут одни и те же имена, потому что это одна кровь; а чужая кровь, входя на трон, приносит новые. Тот же результат, что в Англии. К Франции мы ещё вернёмся отдельной главой.

Что доказано начистоту

Разложим добытое по честной шкале, не раздувая сильное и не пряча слабое.

Документ: набор имён замкнут с 1066 года; поле *Aethel*- не взято ни разу за тысячу лет; имена Иоанн и Стефан изъяты после катастрофы; сам перелом 1066-го подтверждён хрониками. Это лежит в источниках, а не в наших рассуждениях, и не отменяется.

Реконструкция (сильная): имя следует за кровью и носящей линией; чужая линия приносит свой код, и три точки — 1066, 1603, 1714 — это три смены крови. Проверяемо, и местами подтверждено независимо.

Наблюдение (слабое, помечаем сами): что само значение имени совпадает с функцией эпохи — Эдуард «богатство» на пике богатства, Генрих «правитель» при строительстве государства. Это лишь корреляция, и она могла быть прочитана задним числом. Мы не ставим на неё несущую конструкцию и называем её слабой раньше любого критика. Так главу нельзя разбить: всё хрупкое в ней уже помечено хрупким нашей же рукой.

Куда это ведёт

Мы показали хребет: набор замкнут, граница 1066 года задокументирована, чужая кровь приносит свой код, обожжённые имена изъяты. Но пока мы лишь увидели, что имена *сгружаются* по функции. Мы ещё не поймали машину за руку — за тем, как именно она выбирает имя в конкретный момент, кто его готовит заранее и почему из нескольких имён всплывает одно.

Об этом — следующая глава. В ней мы вскроем само имя короля: пять фактов о том, что в нём спрятано, — и проверим код на живом, назвав имя, под которым, по нашему чтению, взойдёт следующий король Англии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧТО ПРЯЧЕТСЯ В ИМЕНИ КОРОЛЯ

Пять фактов и одно предсказание

Список имён оказался замкнутым, а замкнутый список — это система. Вскроем, что она прячет в самом имени.

В прошлой главе мы пересчитали имена и нашли замкнутый набор. Замкнутый набор — это система. Но систему можно спрятать на самом виду, и лучшее укрытие для неё — то, что каждый считает делом сугубо личным. Имя короля.

Спросите кого угодно, почему государь зовётся так, а не иначе, — и услышите: в честь отца, в память деда, по святому покровителю, по сердцу. Самый личный из выборов. Пять фактов говорят обратное: имя короля не выбирают по сердцу — его налагают по правилам. Идём от факта к факту, как следователь по уликам, и не сократим ни одной.

Сколько у короля имён

Прежде чем разбирать, по какому правилу берут тронное имя, заметим то, мимо чего обычно проходят: у современного британского монарха имён несколько. Как правило — четыре.

Георг V при крещении звался Георг Фредерик Эрнест Альберт. Георг VI — Альберт Фредерик Артур Георг. Елизавета II — Елизавета Александра Мария. Карл III — Карл Филип Артур Георг. Нынешний наследник, принц Уэльский, — Уильям Артур Филип Луи. А Эдуард VIII держал рекорд: Эдуард Альберт Кристиан Георг Эндрю Патрик Дэвид — семь имён.

Зачем столько? На троне понадобится только одно. Остальные — запас. И вот первая улика: будь имя короля просто данью любви, хватило бы одного. Запас существует потому, что в нужный момент из него выдвигают то имя, которое лучше ложится на обстоятельства восшествия. Набор крестильных имён — не сентимент, а резерв системы. Из него и берут.

Но резерв — не свалка. Имена в запасе набираются не наугад: разобрав полные имена государей, видишь, что каждое из прочих имён занимает свой определённый адрес. Адресов четыре.

Первый — *имя линии*, династический маркер крови, который тянется через поколения: Артур, Альберт, Фредерик, Георг. Он говорит носителю и двору: ты из этой крови, из этого дома.

Второй — *крёстные и почётная родня*. Александрина — в честь крёстного отца, российского императора Александра I; Луи у наследника — в память лорда Луиса Маунтбеттена; Кристиан в именах Эдуарда VIII — в честь прадеда, датского короля Кристиана IX. Этим словом корона расписывается в родстве и союзах.

Третий — *святые-покровители держав*, и случай этот самый чистый, документированный. Полное имя Эдуарда VIII — Эдуард Альберт Кристиан Георг Эндрю Патрик Дэвид. Последние четыре имени — Георгий, Андрей, Патрик, Давид — суть покровители Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса. Наследника одним рядом имён привязывают сразу ко всем землям короны.

Четвёртый — *обожжённое имя на карантине*, и он сильнейший. Артур. Единственный наследник-Артур, Артур Тюдор, умер, не дожив до трона, и королём Артуром не стал никто за пять столетий. Но имя не выбросили — его держат в резерве едва ли не каждое поколение: Артур у Георга VI, у Карла III, у принца Уильяма, у принца Луи. Запретное для трона — и при этом бережно хранимое в запасе, как почётный, но неактивируемый слот.

Итак, резерв — это четырёхадресный код: линия, союзы, державы, карантин. Из тысячи мыслимых сочетаний имён набирают не любое — каждый слот заполняется по своему правилу.

И здесь возникает законный вопрос: если тронное имя выбирают под положение в стране на момент восшествия — как это положение предугадывают за полвека, при крещении? Ответ снимает мнимое противоречие, и для этого надо развести две операции, идущие в разное время.

Операция первая, при крещении, — *набивают резерв*. Младенцу дают четыре имени не чтобы угадать его будущее царствование, а чтобы собрать спектр вариантов по четырём адресам. Такой набор заранее покрывает обычный веер обстоятельств: в нём всегда найдётся имя-преемственность (сильный недавний предок), имя национальной опоры, имя-святой. Это не предсказание, а заранее заряженный разброс.

Операция вторая, при восшествии, — *выбирают из резерва*. Момент уже наступил, положение в стране известно. Никакого взгляда в будущее не нужно: достаточно снять с готового набора то имя, что ложится на сегодняшний день.

Доказательство лежит в открытых списках. Во всех трёх отступлениях, что мы разберём ниже, выбранное тронное имя уже стояло в крестильном наборе с рождения. Никто в конце XIX века не предвидел отречения 1936 года — но «Георг» был вписан Альберту Фредерику Артуру Георгу при крещении, и когда грянул кризис, имя-опора оказалось под рукой. Эдуард VII взял «Эдуарда» — оно стояло у него вторым со дня крестин. Виктория взяла «Викторию» — с купели. Они не угадывали будущее. Они хорошо набили резерв — и хорошо выбрали из него.

В этом и разгадка. Многоимённый резерв — это признание самой системы, что предсказать она не может. Нельзя назвать новорождённого под неизвестное царствование — поэтому его не называют одним именем, а запасаются четырьмя. Вопрос «как они знают будущее?» снимается просто: набор существует именно потому, что будущего они не знают. Мнимая слабость оборачивается уликой механизма — запас имён есть страховка против непредсказуемого момента.

Проверяемое ядро держим явно: тронное имя всегда берётся из крестильного набора — контрпример обрушил бы правило; а в спорном случае выбирают имя-преемственность или имя-державу, не случайное. Статусы: что выбирают при восшествии из уже данных имён и что во всех трёх случаях имя стояло в резерве — *документ*; что резерв работает как страховка, покрывающая веер обстоятельств, — сильная *реконструкция*; что слоты набивают сознательным расчётом, а не накопленной традицией, — *наблюдение*, умысел не доказан, так и помещаем.

Факт первый. Имя меняется не со сменой короны, а со сменой крови

Кажется, что новая династия приносит новые имена. Но это неверно, и проверить легко — на двух странах сразу.

Вглядимся в строки. Во Франции три дома — Капетинги, Валуа, Бурбоны — носят одни и те же имена: Людовик, Карл, Филипп. Юридически это разные династии; по крови — один род, все потомки Гуго Капета по мужской линии. Кровь одна — и имена тянутся неизменными восемь столетий. То же в Англии. Война Алой и Белой розы стравила два дома, Ланкастеров и Йорков, — но оба были ветвями одной плантагенетской крови, потомками Эдуарда III, и потому имена шли прежние: Генрихи, Эдуарды, Ричарды, по обе стороны войны.

А теперь — три точки, где имена сменились разом. 1066-й: норманнский завоеватель стёр саксонские имена и ввёл свои — Вильгельм, Генрих. 1603-й: на английский трон сел шотландец, и вошли Иаков и Карл. 1714-й: пришёл немец из Ганновера, и вошёл Георг. Каждый раз новое имя приходило вместе с новой кровью — и только вместе с ней.

Вывод прост: имя — подпись крови. А кровь, как покажут следующие главы, признаёт законной внешняя инстанция. Значит, имя и признание — одна история. Статус этой связки — реконструкция, но проверенная независимо на двух странах: Англия и Франция дают тождественный результат, и совпадением это быть не может.

Факт второй. Тронное имя берут по простому правилу — первое из крестильных

Из нескольких имён на трон идёт, как правило, первое. Проверим строго — по всем государям Великобритании со времени Унии Англии и Шотландии 1707 года. Их тринадцать. Первое имя взяли десять; отступлений — ровно три.

И прежде чем разобрать эти три, заметим прочность правила на тех, кто его соблюл. Георг III при крещении был Георг Уильям Фредерик — «Уильям» стоял наготове вторым именем, но он остался Георгом. Вильгельм IV был Уильям Генри — «Генрих» лежал в запасе, но он остался Вильгельмом. Запасное имя не трогают без причины: по умолчанию берут первое.

Теперь — все три отступления, целиком, с именами и причинами.

Первое. Виктория, взошедшая в 1837 году. При крещении — Александрина Виктория. Первым стояло «Александрина», в честь крёстного отца, российского императора Александра I. Для британской королевы имя звучало чужим, русским; на престол всходила совсем юная девушка после череды непопулярных дядей, и трону нужно было своё, не иностранное лицо. Первое имя отложили — она стала Викторией, по второму имени, данному в честь матери.

Второе. Эдуард VII, 1901 год, на склоне Викторианской эпохи, на пике империи. При крещении — Альберт Эдуард. Первым стояло «Альберт» — имя его отца, принца Альберта Саксен-Кобург-Готского, немца и супруга-консорта, но не английское королевское имя. Мать, королева Виктория, желала, чтобы имя Альберта продолжилось на троне. Сын рассудил иначе: он объявил, что будет царствовать Эдуардом, не желая, чтобы имя «Альберт» — которое, по его слову, должно остаться за одним отцом — мельчало под порядковым номером. Он взял второе имя, исконно английское.

Третье. Георг VI, декабрь 1936 года. При крещении — Альберт Фредерик Артур Георг; в семье его звали Берти. На трон он всходил в разгар кризиса: его старший брат, Эдуард VIII, только что отрёкся ради брака, и монархию шатало. Царствовать «Альбертом» значило бы и дальше нести немецкое имя и держать на виду тень только что сошедшего со сцены брата. Он выбрал четвёртое из своих имён — Георг, в честь отца, Георга V, — чтобы подчеркнуть преемственность и вернуть трону устойчивость. Имя выбрано под состояние страны, а не по вкусу носителя.

Видна общая закономерность: первое имя отступает, когда не годится для момента, — когда оно чужое (русская Александрина, немецкий Альберт) или когда страна в кризисе и нужно имя-опора. И это не новое наблюдение и не британская причуда. Ещё в 1390 году в Шотландии наследник престола, Иоанн Стюарт, отказался царствовать как «Иоанн II»: прежние Иоанны кончили худо и в Шотландии, и в Англии. Он принял имя Роберт III.⁴ Имя, на котором система однажды обожглась, изымают из обихода и держат запретным. Тот же механизм, что стёр из английского набора Иоанна и Стефана, работает здесь уже шесть столетий.

Факт третий. Зачем собирают почти семьсот человек, если имя уже выбрано

Имя нового монарха в Британии объявляет особый орган — Совет по восшествию (Accession Council), что сходится в Сент-Джеймском дворце в Лондоне сразу после смерти прежнего государя. В нём — без малого семьсот человек: Тайный совет, из которого Совет созывается, насчитывает около семисот членов; к ним добавляются высшие сановники, оба архиепископа, лорд-мэр Лондона, представители доминионов. На конкретном заседании присутствует их часть, но списочный состав — это почти семьсот имён. Собрание огромное. И вот что странно: заседание короткое, и никто на нём имя не выбирает — оно уже готово. В декабре 1936 года тронное имя нового короля готовил узкий круг — премьер-министр Стэнли Болдуин, двор и Церковь — за неделю до того, как его огласили народу.

Тогда зачем почти семьсот человек? Чтобы решение узкого круга превратить в волю всего государства. Подписи всего собрания — Кабинет, архиепископы Кентерберийский и Йоркский, представители доминионов, парламент — придают имени вес не горстки решавших, а целой страны. Это та же механика, что проходит через всю книгу: подлинного решающего

^{4 4} В 1390 году Иоанн Стюарт, наследовав шотландский престол, отказался царствовать как «Иоанн II»: имя было связано с несчастными правлениями и в Шотландии, и в Англии — и он принял имя Роберт III (шотландские хроники; стандартные истории шотландской монархии).

прячут за широким и торжественным обрядом, а народ принимает итог как естественный и законный, не спрашивая, кто на деле решил.

Учёные описали это давно. Антрополог Виктор Тёрнер и социолог Пьер Бурдьё показали, что обряд такого рода именно так и устроен: он узаконивает уже принятое решение, скрывая, что оно чьё-то и могло быть иным.⁵ Мы не первые это заметили — но первыми прилагаем к короне.

Факт четвёртый. Одно имя — несколько сообщений сразу

Тронное имя обращается к разным людям о разном — и не потому, что кто-то хитро это рассчитал, а потому, что имя по самой своей природе несёт сразу несколько смыслов. Одно и то же имя три круга слышат по-разному.

Проверим на тех же трёх отступлениях — и каждое бьёт во все три круга разом. Эдуард VII: народу — святой Эдуард Исповедник, добрый король старой Англии; знати — исконно английское имя вместо немецкого; семье — отказ от отцовского имени наперекор воле матери. Георг VI: народу — святой Георгий, покровитель Англии и змееборец; знати — прямая преемственность Георгу V; семье — дань отцу, а не сошедшему со сцены брату. Одно имя — три послания сразу. Вот зачем монарху запас имён: чтобы в нужный момент выдвинуть то, что ложится на все три круга лучше прочих.

Честная граница. Мы не утверждаем, что советники садились и просчитывали значения по словарю — улик на такой расчёт нет, и чаще имя берут по простому мотиву: дань отцу, личный вкус. Но имя, даже выбранное по одной причине, объективно звучит на всех уровнях сразу — это его свойство, а не чей-то умысел. И ещё одно мы держим именно как наблюдение, не как доказательство: значения имён перекликаются с эпохой. Эдуард — «хранитель богатства» — пришёл на пике имперского богатства; Генрихи — «правители дома, государства» — строили государство: право, флот, Церковь. Это корреляция, а не улика, и мы так её и держим.

Факт пятый. Цифра при имени — не порядковый счёт, а указание на линию

Все думают, что номер при имени — простой счёт: пятый Георг, шестой. Но суть глубже — и за неё в буквальном смысле судились. В 1953 году двое шотландцев, Джон Маккормик и Иан Гамильтон, подали в суд на корону из-за того, что новую королеву именовали «Елизаветой II»: в Шотландии никакой Елизаветы I никогда не было, и цифра «II» на почтовых тумбах с вензелем EIIIR оскорбляла шотландский счёт. Из-за одной римской цифры — конституционный иск о самой целостности союза двух королевств.⁶

Дело — Маккормик против лорда-адвоката — раскрыло, как счёт устроен на самом деле. Во-первых, считают не от начала времён, а от точки, которую система признаёт началом: от Нормандского завоевания 1066 года. Поэтому Эдуард I, король XIII века, — «первый», хотя саксонских Эдуардов до него было трое — Эдуард Старший, Эдуард Мученик, Эдуард Исповедник: они остались за чертой отсчёта и в счёт не идут. Во-вторых, один и тот же человек может носить разные номера: Иаков был VI в Шотландии и I в Англии одновременно. Значит, номер принадлежит не человеку, а той линии, к которой человек подключён.

Отсюда — что на самом деле сообщает цифра. Она говорит, откуда отсчитывается власть: точку начала выбрала система, и суд это подтвердил — «настоящая» Англия для неё начинается с завоевания, а саксы остаются за нулём. И она говорит, к какой линии подключён государь. Единица — это начало новой линии, и часто это новая кровь: Вильгельм I — завоеватель, Иаков I — шотландец, Георг I — немец; все «первые», и все принесли на трон чужую кровь. Высокий же номер означает обратное — глубину преемственности, продолжение всё той же крови.

^{5 5} О том, как обряд узаконивает решение, скрывая его авторство: В. Тёрнер о многозначности ритуального символа (V. Turner, *The Ritual Process*); П. Бурдьё об «обрядках институции» (P. Bourdieu, *Les rites d'institution*).

^{6 6} *MacCormick v Lord Advocate*, 1953 SC 396. Истцы — Джон Маккормик и Иан Гамильтон; повод — вензель «EIIIR» на шотландских почтовых тумбах. В решении лорд-президент Купер высказался о пределах парламентского суверенитета.

И само правило номера тоже настраивали политически. В том же 1953 году премьер-министр Уинстон Черчилль объявил в Палате общин: впредь британские монархи будут носить больший из двух счётов — английский или шотландский, — чтобы погасить недовольство шотландцев.⁷ Цифра — инструмент управления, а не арифметика.

Что заменил номер

Цифру при имени мы разобрали. Но был у королей и другой способ различения — старшие нумерации, и он о многом говорит. До того как государя стали метить римской цифрой, его отличали *эпитетом*: Эдуард Мученик, Эдуард Исповедник, Эдуард Старший; Альфред Великий; Этельред Неразумный.

Эпитет — это не номер. Номер ничего не говорит о человеке; эпитет говорит о нём всё — это сжатая характеристика, приговор. И вот что важно: высший, почётный приговор выносили королю со стороны — хронисты и Церковь, — и святые эпитеты давались, как правило, посмертно.⁸ Точности ради: бранные клички бывали и прижизненными — Иоанн Безземельный, Эдуард Длинноногий, Ричард Львиное Сердце; посмертны прежде всего почётные и святые.

Сведём два способа доназвать короля рядом.

Эпитет — приговор человеку. И право вынести высший приговор, объявить короля святым или исповедником, принадлежало Церкви, часто уже над могилой. Та же инстанция, что помазывала живого государя, характеризовала мёртвого.

Цифра — не о человеке вовсе. Это адрес в линии, и считается он, как мы видели, от Нормандского завоевания 1066 года — от точки, где система себя установила. Переход от эпитета к номеру — это, по сути, передача права именовать. Раньше итоговое имя королю давала Церковь, посмертно и по заслугам; теперь его задаёт система, прижизненно и по месту в линии. Эпитет смотрел на человека и судил его; цифра молча подшивает человека к Завоеванию. Статусы: что эпитеты были, давались хронистами и Церковью, а почётные — посмертно, и что сквозная нумерация утвердилась после Завоевания, — *документ*; толкование перехода как передачи права именовать — *реконструкция*.

Проверка на живом: какое имя возьмёт следующий король

Сложим все пять фактов и проверим на наследнике. Его полное имя — Уильям Артур Филип Луи; четыре имени, как и положено. Что говорит о нём наша система?

Кровь та же — Виндзоры: значит, новых имён не вводят, выбор идёт из уже существующего набора, и всё чужое отсекается сразу. Правило первого имени даёт по умолчанию Уильяма — Вильгельма. Второе имя, Артур, — то самое обожжённое имя на карантине: единственный наследник-Артур, Артур Тюдор, старший сын Генриха VII и принц Уэльский, умер в 1502 году пятнадцати лет, не дожив до трона; «королём Артуром» за пять столетий не рискнул назваться никто. Артур отпадает. Филип — третье имя, в честь деда, принца Филипа, герцога Эдинбургского: круг семьи, но не английское королевское имя. Луи — четвёртое, в память лорда Луиса Маунтбеттена, по материнской линии: имя узкое, для большой сцены не предназначенное. Оба слабее.

Остаётся Уильям — и он бьёт разом в два главных круга: в народ (Вильгельм Завоеватель, основатель самой линии, и святой) и в знать (исконно английское коренное имя), причём без малейшего дурного шлейфа. Номер при нём будет высоким — пятым: не начало новой линии, а её продолжение, ведь кровь не сменилась.

Вывод: с высокой вероятностью следующего короля Англии будут звать Вильгельм V. Предсказание простое и проверяемое — время покажет, правы ли мы. Сместить Уильяма мог

⁷ Заявление премьер-министра У. Черчилля (Палата общин, 1953): будущие британские монархи используют больший из двух счётов — английский или шотландский. Hansard, 1953.

⁸ Эдуард Исповедник канонизирован папой Александром III в 1161 году, спустя век после смерти. Эдуард Мученик (король 975–978) убит и почитаем как святой.

бы лишь один поворот: глубокий кризис монархии в самый момент восшествия, как в 1936-м, когда выдвинули бы имя-опору. Но и в этом случае Уильям остаётся самым прочным выбором из всего набора.

Итог главы начистоту

Разложим добытое по честной шкале — не раздувая сильного и не пряча слабого.

Документ: правило первого имени, проверяемое по открытым спискам полных имён государей; в них же виден четырёхадресный резерв прочих имён, и во всех трёх отступлениях тронное имя стояло в наборе с рождения; счёт от 1066 года и номер как свойство линии, подтверждённые судом 1953 года; обожжённое имя, изымаемое после неудачи (Роберт III, 1390); эпитеты, дававшиеся королю со стороны — хронистами и Церковью, почётные посмертно; британский Совет по восшествию как орган ратификации, а не выбора (декабрь 1936). Всё это лежит в источниках, а не в наших рассуждениях.

Реконструкция (сильная): имя следует за кровью; резерв из четырёх имён работает как страховка против непредсказуемого момента восшествия; отклонение от первого имени происходит под давлением момента — задокументировано для 1936 года, выведено для 1901 и 1837; переход от эпитета к номеру — передача права именовать от Церкви к системе.

Наблюдение (слабое, помечаем сами): что значение имени совпадает с функцией эпохи; что штаб сознательно кодирует имя и набивает слоты расчётом, а не накопленной традицией, — улики на умысел нет. Эти пункты мы называем слабыми раньше любого критика и на несущую конструкцию их не ставим. Так главу нельзя обрушить: всё хрупкое в ней уже помечено хрупким нашей же рукой.

Куда это ведёт

Мы прочли имя и цифру — подпись крови и адрес линии. Но всё это держится на одном допущении: на чистой линии крови, переходящей от отца к сыну. А что происходит, когда на престол восходит женщина — когда кровный критерий слабее всего или даже работает против носительницы?

Это не исключение из машины. Это место, где её устройство обнажается резче всего: именно у женского трона внешняя инстанция, поставляющая законность, достраивается публично, у всех на глазах — супруг-консорт, добавочное помазание, борьба за признание, выстроенный образ правительницы. Женский трон — рентген короны. С него и начнём следующую главу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖЕНСКАЯ ОСЬ

Проницаемость короны и точка входа внешнего интереса

Мы читали корону по мужской линии. Но есть ось, где она становится проницаемой, — женская.

До сих пор мы читали корону по мужской линии — от отца к сыну, где имя следует за кровью, а кровь переходит сама собой. Но есть в истории трона ось, на которой вся механика законности выходит из тени и становится видимой. Это женский трон.

Сразу отведём ложные тропы — то, что доказывать незачем. «Женщина восходит на престол, когда нет наследника-мужчины» — это не находка, а простое определение мужского первородства. «Женщине править труднее» — очевидность. На этом останавливаться не будем; банальность — не довод.

Наш вопрос один, и он неочевиден: не *когда* женщина садится на трон, а *чем* она узаконивается, сев, — и кому выгоден именно такой, несамодостаточный носитель. Метод следствия здесь обратный привычному: мы идём от выгодоприобретателя к его потребности, а уже под неё на трон ставят женщину. Бенефициар первичен; женщина — инструмент или канал. И прежняя расхожая формула «королева — это пауза в работе машины» отброшена нами как слабая: она ничего не объясняет в сильных правительницах. Объясняет другое.

Ядро: женщина — точка проницаемости короны

Вот суть, выдержавшая все контрпримеры. У наследника-мужчины внешняя инстанция, дающая законность, работает незаметно: кровь и помазание давно слились в единую норму, и никто не спрашивает, кто признаёт короля, — это очевидно по рождению. У женщины кровь считается «недостаточной» — и потому инстанцию приходится достраивать публично, у всех на глазах: супруг-консорт, выставленный напоказ; добавочное помазание; открытая борьба за признание; сын, объявленный соправителем; тщательно выстроенный образ правительницы. То, что у мужчины скрыто в норме, у женщины делается на витрине — и оттого видно.

Женский трон — это рентген механизма законности. На нём проступает то, что в остальных случаях спрятано: что корона сама себя не удостоверяет, что ей нужен кто-то снаружи. А есть и вторая, структурная сторона. Династический брак делает корону проницаемой: через невесту-чужеземку в кровь и в казну правящего дома входит внешний интерес — банкирский клан, боковая ветвь, капитал, чужая держава. Женщина-чужачка — типичная точка входа этого внешнего интереса. Это ядро контрпримерами не ломается; как мы увидим, они его лишь подтверждают.

Механизм виден дома: Мария и Елизавета

Прежде чем уходить на континент, покажем рентген на самой английской короне — на двух её королевах подряд, ибо именно здесь, в книге об английском троне, тезис должен сперва доказать себя дома.

Мария I вззошла в 1553 году — первой коронованной королевой-правительницей Англии. И тотчас обнажилось то, что у королей лежало в норме: правомочна ли женщина править как король? Чтобы снять вопрос, парламент принял особый Акт о королевской власти, прямо объявивший, что государыня обладает той же полнотой власти, что и государь.⁹ Вдумаемся: чтобы узаконить женщину, законность пришлось *выписать отдельным актом* — то, что для мужчины подразумевалось кровью. Инстанция, обычно невидимая, здесь проступила буквами закона.

Дальше — вторая сторона, проницаемость. Мария вышла замуж за Филиппа II Испанского, и в английскую корону через брак входила чужая держава. Опасность увидели сразу: брачный договор, утверждённый парламентом, до мелочей ограничил Филиппа — он именовался королём при жене, но не мог править единолично, не мог вывезти королеву за пределы страны и не наследовал трон, если Мария умрёт бездетной.¹⁰ Внешний интерес впустили — и тут же на людях обнесли оградой. Снова механизм на витрине.

А следом — обратный ход, и оттого ещё более красноречивый. Елизавета I правила сорок четыре года и не вышла замуж ни разу. «Королева-девственница» — не каприз и не личная драма: это сознательное *запечатывание* проницаемой короны. Не впуская мужа, Елизавета не впускала и чужую кровь, чужую державу, чужого хозяина. А свою законность — которую при Генрихе VIII закон прямо объявлял сомнительной, а затем восстанавливал в линии, — она достраивала не браком, а образом: культом Девы-королевы, Глорианы, выстроенным напоказ. Где Мария впустила внешнее и оградила, там Елизавета не впустила вовсе — и обе показали одно: у женского трона инстанцию законности видно, потому что её строят руками, при свете дня.

⁹ Акт о королевской власти 1554 года (An Act concerning Regal Power) уравнивал полномочия королевы-правительницы с полномочиями короля.

¹⁰ Условия брака Марии I и Филиппа II Испанского (1554), утверждённые парламентом, ограничивали власть короля-консорта: запрет единоличного правления, вывоза королевы за границу и наследования трона в случае её бездетной смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.